

Люда Влассовская. Записки маленькой гимназистки

Теперь Люда — выпускница института. Сколько лет провела она в этих стенах, постепенно превращаясь из девочки в девушку! Впереди — взрослая жизнь, работа гувернантки в состоятельной семье и... отец, которого она так давно не видела. («Люда Влассовская»)

Лена отправляется в Петербург. Здесь все чужое и непривычное. Тщетно лелея мечту о верной подруге, маленькая гимназистка, однако, вынуждена мириться с насмешками кузенов. Вплоть до одного знакомства... («Записки маленькой гимназистки»)

A classical-style portrait of a young woman with dark hair styled in an updo. She is wearing a vibrant red, off-the-shoulder dress with a white shawl draped over her left shoulder. The background is a soft, outdoor landscape with trees and a distant view of a city. A pink horizontal line runs across the top of the image.

Романтика
XIX Века

Людия Марская

Люда Влассовская
Записки маленькой
гимназистки

Luarmuka
XIX *Beka*

Людия Чарская

Люда Власовская.
Записки маленькой
ГИМНАЗИСТКИ

Повести

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-7020-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

В книге в основном сохранена пунктуация начала XX века

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Эдуарда Фридриха Ляйбольда* «Портрет девушки в красном платье» (1824 г.)

Тепер Люда — випускниця інституту. Скільки років провела вона в цих стінах, поступово перетворюючись із дівчинки на дівчину! Попереду — доросле життя, робота гувернантки в

заможній родині і... батько, якого їй так бракувало. («Люда Влассовська»)

Олена вирушає до Петербурга. Тут все чуже і незвичне. Марно плакаючи мрію про вірну подругу, маленька гімназистка, однак, змушена миритися з глузуванням кузенів. Аж до одного знайомства... («Записки маленької гімназистки»)

Чарская Л.

Ч-22 Люда Влассовская. Записки маленькой гимназистки : повести / Лидия Чарская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 368 с. — (Серия «Великие романистки XIX века», ISBN 978-617-12-6123-5)

ISBN 978-617-12-6299-7

Теперь Люда — выпускница института. Сколько лет провела она в этих стенах, постепенно превращаясь из девочки в девушку! Впереди — взрослая жизнь, работа гувернантки в состоятельной семье и... отец, которого ей так не хватало. («Люда Влассовская»)

Лена отправляется в Петербург. Здесь все чужое и непривычное. Тщетно лелея мечту о верной подруге, маленькая гимназистка, однако, вынуждена мириться с насмешками кузенов. Вплоть до одного знакомства... («Записки маленькой гимназистки»)

УДК 821.161.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Люда Влассовская

Часть первая

Глава 1. Выпускные. Сон Маруси Запольской

Дребезжащий, пронзительный звон колокольчика разбудил старшеклассниц.

Я подняла голову с подушки и заспанными глазами огляделась кругом.

Большая спальня с громадными окнами, завешенными зелеными драпировками, четыре ряда кроватей с чехлами на спинках, высокое трюмо в углу — все это живо напоминало мне о том, что я выпускная. Такая роскошь, как чехлы на спинках кроватей, драпировки и трюмо, допускалась только в дортуаре старшеклассниц. Одни выпускные воспитанницы да пепиньерки имели право пользоваться некоторым комфортом в нашем учебном заведении.

Маруся Запольская, спавшая рядом со мною, высунула свою огненно-красную маковку из-под одеяла и пропищала тоненьким голоском:

— С переходом в выпускные честь имею поздравить, mesdam'очки!

Я быстро вскочила с постели...

Только теперь, при воспоминании о том, что я выпускная и что мне остается провести всего лишь один год в институте, я поняла, что шесть лет институтской жизни промчались быстро, как сон.

За эти шесть лет у нас почти ничего не изменилось. Мои подруги по классу были почти все те же, что и в год моего поступления в институт. Начальница, Мапан, была та же представительная, гордая и красивая старая княгиня. По-прежнему мы дружно ненавидели нашу французскую классную даму m-lle Арно, которую мы, еще будучи «седьмушками», прозвали Пугачом за ее бессердечие и жестокость, и боготворили немецкую — Fraulein Генинг. По-прежнему обожали учителей и если не бегали за старшими воспитанницами, то потому только, что этими старшими оказывались мы сами. Но зато мы снисходительно поощряли наших ревностных обожательниц — «младших». Да и сама я мало изменилась за этот срок. Только мои иссиня-черные кудри, давшие мне со стороны подруг прозвище Галочки, значительно отросли за эти шесть лет и лежали теперь двумя

свитыми глянцевыми толстыми косами на затылке. Да смуглое лицо потеряло свою детскую округлость и приобрело новое выражение сдержанной сосредоточенности, почти грусти.

Моей закадычной подругой была Маруся Запольская, спавшая со мною рядом, сидевшая со мною на одной скамейке в классе и в столовой, делившая со мною все занятия и досуги — словом, не разлучавшаяся со мной за все шесть лет институтской жизни...

— С переходом в выпускные, mesdam'очки, — говорила теперь эта самая Маруся, шая и дурачась.

Но «mesdam'очки» и не обратили внимания на писк Краснушки и, проворно накидывая на себя холщовые юбочки, спешили в умывальную, находившуюся рядом с дортуаром.

— Вставай, Краснушка, — советовала я моему другу, — а то опоздаешь на молитву.

— Ах, Люда! Какой сон я видела, если б ты знала! — проговорила она, сладко потягиваясь и устремляя на меня свои большие темно-карие глаза, с загоревшимися золотистыми искорками в расширенных зрачках.

Краснушку нельзя было назвать красавицей вроде Вали Лер и Анны Вольской — самых хорошеньких девочек нашего класса, — но золотые искорки в глазах Краснушки, ее соболиные брови, резко выделявшиеся на мраморной белизне лица, алый, всегда полураскрытый ротик и огненно-красная кудрявая головка были до того оригинальны и необыкновенны, что надолго приковывали к себе взгляды.

— Что же ты видела, Маруся? — спросила я ее, невольно любуясь ее белым личиком с пышущим на нем румянцем от сна. — Что ты видела?

— Ах, это было так хорошо! — вскричала она со свойственной ей горячностью. — Ты представь только: широкая арена... знаешь, вроде арены римского Колизея... или нет, даже это и был Колизей. Да-да, Колизей, наверное! Кругом народ, много, много народу!.. И сам Нерон среди них!.. Важный, страшный, жестокий... А я на арене, и не только я — многие наши: и ты, и Миля Корбина, и Додо Муравьева, и Валентина — словом, полкласса... Мы осуждены на растерзание львам за то, что мы христианки...

— Душка, не слушай ее, — слышался сзади меня голос Мани Ивановой, всегда насмешливо относившейся к фантастическим бредням моей восторженной подруги, — не слушай ее, Галочка: она никакого Колизея не видела, а просто рассказывает тебе главу из повести, которую вчера прочла...

— Ах, молчи, пожалуйста, что ты понимаешь! — осадила ее Маруся, не удостоив даже взглядом непрощеную обличительницу. — Слушай, Галочка, — продолжала она с жаром, — нас окружали воины с длинными копьями и мечами в руках, а у ног наших лежали цветы, брошенные из лож первыми патрицианками города... Нерон сделал знак рукою, и невидимая музыка заиграла какую-то печальную мелодию...

— Ах, как хорошо! — вскричала незаметно подошедшая к нам миловидная блондиночка с мечтательной головкой, Миля Корбина, любительница всего фантастического и необыкновенного.

— Дверь, ведущая в клетку зверей, — невозмутимо продолжала Краснушка, — должна была тотчас же открыться, как вдруг Нерон, остановившись на мне взором, произнес: «Хочешь спасти себя и своих друзей?» — «Хочу!» — отвечала я смело. «Тогда ты должна сложить мне песню, тотчас же, не сходя с арены, но такую прекрасную, за которую я бы мог даровать тебе жизнь».

— И что же? Ты спела? — с загоревшимися глазами спросила Миля, подвинувшись почти вплотную к постели рассказчицы.

— Постой, не забегай вперед! — отрезала Милю Маруся. — Слушайте дальше!.. Мне подали лютню, всю увитую цветами... Я окинула цирк взглядом и, остановив мои глаза на императоре, запела. Я не помню, о чем я пела во сне, но это было что-то такое хорошее, такое чудесное и поэтичное, что сам Нерон смягчился душою, бросил мне лавровый венок на арену и объявил свободу и жизнь всем христианкам.

— Ах, как хорошо! — замирая от восторга, прошептала Миля. — Дай мне тебя поцеловать, душка, за то, что ты всегда видишь такие поэтичные сны!

— Ты плохо знаешь историю, Запольская. Нерон никогда не миловал христиан, отданных на растерзание! — слышалось насмешливое замечание хорошенькой Лер.

Но Маруся, как говорится, и бровью не повела.

— Таня Петровская, Таня Петровская, — остановила она проходившую мимо нее черноволосую и рябоватую девушку с нездоровым цветом лица, слышную среди выпускных за отгадчицу и в то же время самую религиозную из всех, — как ты думаешь, что мог бы означать мой сон?

— Это нехороший сон, Краснушка, — самым серьезным тоном произнесла Петровская, заплетая длинную, доходившую ей почти до пят и тоненькую, как у китайца, косу, — нехороший сон, душка, — присаживаясь в ногах Марусиной постели, повторила она. — Хорошо читать стихи во сне — значит плохо отвечать на уроке; лавровый же венок — значит нуль. Я уже это заметила, как кто лавры во сне увидит — сейчас лавровый венок без листьев откуда ни возьмись в журнале.

— Ну вот еще! — недовольно протянула Маруся, неудовлетворенная таким простым толкованием своего поэтического сна. — Мы — выпускные, нам нулей не посмеют ставить.

— Выпускные! — радостно подхватила Бельская, маленькая, кругленькая толстушка с вихрастой белобрысой головой, отъявленная шалунья, за шалости получившая прозвание Разбойника. — Mesdam'очки, мы выпускные. Подумайте только: 296 дней до выпуска осталось! Только 296 дней! Я от радости, кажется, сейчас на шею Арношке кинусь! Ей-богу!

— Маруся! Краснушка! Сумасшедшая! Ты еще не вставала! Пять минут до звонка! Ведь сегодня французское дежурство, ты забыла, несчастная!

Это говорила необычайно нежным грудным голосом дежурная Чикунина, высокая, полная девушка, прозванная Соловушкой за удивительно звучный и приятный голос.

Варюша Чикунина была недавно выбрана регентом церковного хора и ни днем ни ночью не расставалась с металлическим камертоном, спрятанным у нее за край камлотового форменного лифа. Она была очень счастлива и гордилась возложенной на нее обязанностью.

— И то правда, — паясничая, вскричала Маруся, — девушки, миленькие, погибла моя головушка! Душеньки-подруженьки, помогите мне! — И в то же время она с необычайной ловкостью набрасывала на

себя грубую холщовую юбку, заплетала и укладывала на голове свои огненные косы под уродливый ночной чепчик.

Через две минуты Запольская стояла уже на табурете посередине умывальной комнаты и, размахивая зубною щеткою, декламировала:

Спокойно стояла она пред судом,
Свободного Рима гражданка...

— Арношка идет! Пугач идет! Краснушка, спасайся! — неистово завопила, пулей влетая в умывальную, смуглая, черноволосая, как цыганка, Кира Дергунова, с огромными восточными глазами, так и мечущими молнии.

— Ай! Горе мне! — таким же визгом ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, разроняв по дороге все принадлежности для умывания.

Глава 2. На молитву. Новость Сары

Серьезная не по летам Чикунина, восторженная Миля Корбина и я окружили Краснушку и вмиг преобразили ее. Правда, зеленое камлотовое институтское платье плохо сходилось сзади, не застегнутое на несколько крючков; передник сидел косо, пелерина съехала набок, но Краснушка была все-таки готова в ту самую минуту, когда в дверях дортуара показалась высокая и прямая как палка фигура нашей французской классной дамы.

В синем форменном платье, с тщательно уложенными по обе стороны прямого, как ниточка, пробора волосами, с длинным носом, пригнутым книзу и служащим мишенью для насмешек всего института, — m-lle Арно была ненавидима всеми нами. Ее придиричивость, природная сухость и полное отсутствие сердечности не могли привлекать к себе чуткие, податливые на ласку души юных институток. Зато в глазах начальства m-lle Арно была незаменима. Она обладала настоящим полицейским чутьем и выкапывала такие провинности и недочеты во вверенном ей стаде, какие, наверное, укрылись бы от глаз другой классной дамы. И сейчас, лишь только она успела появиться в дортуаре старших, как мигом заметила, что

злополучная Краснушка опоздала, что Маня Иванова надела пелеринку на левую сторону, а прелестная, голубоглазая и изящная красавица Лер, страшная кокетка и щеголиха, выпустила с левой стороны лба злодейский маленький кудрявый завиток, что строго преследовалось в институте.

— Mesdames! — произнесла Арно резким, неприятным голосом. — Прежде чем спускаться вниз на молитву, я должна напомнить вам о ваших обязанностях. Вы перешли с Божьей помощью, — при этих словах она молитвенно подняла глаза к потолку, — в последний, выпускной класс, и теперь, так сказать, вы делаетесь представительницами целого института. На вас будут обращены взгляды всего учебного заведения; помните, что вы должны явиться примером для всех остальных классов...

— Ну, пошла-поехала, — сокрушенно произнесла Маня Иванова, — теперь начнется, наверное, бесконечная нотация, не успеешь и в кухню сходить...

В кухню ходили каждое утро три дежурные по алфавиту воспитанницы осматривать провизию — с целью приучаться исподволь к роли будущих хозяек. Эта обязанность была особенно приятной, так как мы выносили из кухни всевозможные вкусные вещи, вроде наструганного кусочками сырого мяса, которое охотно ели с солью и хлебом, или горячих картофелин, а порой в немецкое дежурство (немецкая классная дама была особенно добра и снисходительна) приносили оттуда кочерыжки от кочней капусты, репу, брюкву и морковь. Немудрено, что Маня Иванова — страшная лакомка — так сокрушалась, теряя возможность, благодаря длинной речи Арно, попасть на кухню. А Маня очень любила туда ходить, потому что старший повар, Кузьма Иванович, особенно благоволил к ней за ее необыкновенный аппетит и награждал ее с исключительным усердием и зеленью, и мясом, а иногда даже яйцами и сахаром, из которых Маня мастерски готовила вкусный гоголь-моголь.

Наконец m-lle Арно окончила свою речь, и мы, построившись парами, вышли из дортуара.

В столовой — длинной, мрачной комнате первого этажа — все классы были уже в сборе. Среди зеленых камлотовых форменных

платьев и белых передников институток там и сям мелькали цветные, темные и светлые незатейливые и нарядные платьица новеньких, поступивших в разные классы. Весь седьмой класс состоял исключительно из них. Робкие, по большей части взволнованные личики новеньких приковывали общее внимание, которое еще более смущало маленьких девочек, впервые очутившихся в чуждой для них обстановке.

Прозвучавший звонок напомнил о молитве. Все воспитанницы поднялись со своих мест и, обернувшись спинами к входной двери, устремили глаза на маленький образок, висевший на самом верху дощатой перегородки, отделяющей столовую от буфетной.

Дежурная Чикунина вышла на середину комнаты с молитвенником в руках и начала своим чудным грудным голосом: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа». За этим вступлением следовал целый ряд молитв. Додо Муравьева, наша вторая ученица (я считалась первой по классу все семь лет, проведенные мною в институте), прочла несколько стихов из Евангелия; воспитанницы стройным хором пропели молитву за государя, после чего все разместились за длинными столами, по десяти человек за каждым, и принялись за чай.

— Знаете, душки, я вам скажу одну вещичку! Только, чур, никому ни слова, чтобы наш стол только и знал, — неожиданно произнесла тоненькая, быстроглазая девочка Сара Хованская, обращаясь к девяти остальным, занимавшим стол старшего класса.

— Говори, только не ври! — круто оборвала Хованскую всегда несколько резкая на язык смуглянка Дергунова.

Сара Хованская любила прихвастнуть немного и, признавая в себе эту слабость, ничуть не обиделась на замечание Киры.

— Ей-богу, не совру, душка! — обещала она и в подтверждение своих слов быстро перекрестилась.

— Ну ладно, тогда выкладывай, — милостиво разрешила Дергунова, уставившись на нее своими цыганскими глазами.

— Дело в том, mesdam'очки, — обрадованная общим вниманием, заговорила Сара, — что у нас в выпускном классе скоро будет новенькая!

— Вот глупости, — вскричала Маня Иванова, спокойно до этого уплетавшая черствую институтскую булку, — вот чепуха-то!

Институтское правило запрещает принимать новеньких в выпускной класс...

— Ах, молчи, пожалуйста, ты ничего не знаешь! — рассердилась Хованская, не любившая Маню. — Это для простых смертных не допускается, а будущая новенькая — важная аристократка и училась где-то в Париже, а сюда поступит только проверить свои знания и приучиться к русскому языку... Она страшная, говорят, богачиха.

— Душка Хованская, — выскочила Бельская, — скажи мне по секрету, откуда ты это узнала?

— Очень просто. Мне передала Крошка, а ей говорила ее тетка — инспектриса.

— И это правда? — усомнилась Краснушка, сидевшая бок о бок со мною за чайным столом.

— Ей-богу, правда, mesdam'очки! — еще раз перекрестилась Хованская на видневшийся в отдалении образ.

— Сара, не божись! На том свете ответишь! — с укором произнесла Танюша Петровская — самая богобоязненная и религиозная девочка из всего класса.

— Ну уж тебе-то, гадалке и прорицательнице, хуже достанется! — оборвала ее Сара.

— Душки, не грызитесь! — примиряющим тоном проговорила Миля Корбина, не выносившая никаких ссор и неурядиц между «своими».

— Mesdames! Вы являетесь, так сказать, представительницами целого института! На вас обращены глаза всего заведения, и вы должны служить ему примером... — произнесла с расстановкою Краснушка и, неожиданно сморщив свое беленькое личико в забавную гримасу, стала вдруг до смешного похожа на Арно.

— Ах, Маруся! Вот чудесно! Еще, душка, еще! — заливаясь веселым смехом, приставали к ней подруги.

Я одна не смеялась: в моей памяти еще слишком живо стояло неприятное происшествие с тою же Краснушкой, когда она, увлекшись такой же, как сейчас, проделкой, не заметила подкравшейся сзади m-lle Арно, была уличена ею и оставлена без передника в наказание за «непочтение к старшим».

— Перестань, Маруся! — урезонивала я мою расшалившуюся подругу. — Ну что за охота получать выговоры, право!

— Ах, Галочка, ты всегда помешаешь моему веселью! — с досадой произнесла она. — Всегда во всем найдешь что-нибудь нехорошее... Знаешь ли, Люда, — помолчав немного, добавила она уже мягче, — мне кажется иногда, что ты слишком уж хороша для меня и что я недостойна быть подругой такой «тихони» и «парфетки», как ты... Тебе куда полезнее было бы дружить с нашими «сливками» — Додо Муравьевой, Варюшей Чикунинной, Вольской, Зот и пр., и пр., и пр.

— Ты думаешь? — с улыбкой взглянув ей пристально в глаза, спросила я.

— О, Люда! Галочка моя милая! Хохлушечка моя несравненная! — вдруг, вскакивая со своего места и бросаясь мне на шею, захлебываясь, вскричала она. — Не смотри ты на меня с таким укором, Людочка! Не буду! Не буду! Ведь знаю, что я дороже тебе всех наших «парфеток» и умниц.

И она покрыла горячими поцелуями все лицо мое, глаза и губы.

Странная, необузданная, но на диво славная девочка была эта Краснушка!

Глава 3. Дядя Гри-Гри и математика.

Маленькие невзгоды

Сегодняшний день был началом классных занятий.

Поднявшись во второй этаж и пройдя бесконечно длинным коридором, мы вошли в класс, на дверной доске которого чернела римская цифра I. Заветная, долгожданная цифра! В продолжение долгих шести лет институтской жизни сколько надежд и грез было обращено к последнему, выпускному году, к последнему, старшему классу, который служил преддверием будущей свободной, вольной жизни!..

До сегодняшнего дня мы считались еще младшими и все лето помещались в нашем II классе, несмотря на выдержанные весной переходные экзамены, а желанный I класс оставался пустым и закрытым на ключ. Но сегодня, лишь только мы вступили в коридор

старшей половины, где помещались два отделения пепиньерок и два старших класса, мы увидели двери нашего будущего помещения гостеприимно открытыми настежь.

Не без радостного трепета вошли мы туда. Комната выходила окнами на улицу. Но к этому обстоятельству мы уже привыкли в предыдущие годы, так как, начиная с IV класса, ежегодно занимали помещения, выходившие на улицу.

— Ах, душки, солнышко! — наивно обрадовалась миниатюрная и болезненная на вид Надя Федорова, всегда приходившая в умиление кстати и некстати.

Действительно, солнце светило вовсю, желая как будто поздравить нас с новосельем. Оно заливало ярким светом белоснежный потолок класса, его красивые, выкрашенные в голубую масляную краску стены, громоздкую кафедру, черные доски и бесчисленные карты всех частей света и государств мира, тщательно развешанные по стенам.

— Как это странно, mesdam'очки! — произнесла Миля Корбина, устремляя в окно свои всегда мечтательные глазки. — Как это странно! Вчера еще мы слонялись по саду и шалили сколько душе было угодно, а сегодня снова занятия, классы, звонки, съехавшиеся институтки и вся по-старому заведенная машина.

— А я, признаться, рада, душки, что лето миновало, — вставила свое слово быстроглазая Кира, — в ученье время скорее пролетает до выпуска...

— Mesdames, prenez vos places!¹ — раздался в наших ушах неприятный, пронзительный голос m-lle Арно, — monsieur Вацель, va rentrer a l'instant².

— Неужели пришел? — с сожалением произнесла Бельская. — Ах, душки, — обратилась она сокрушенно к классу, — не ожидала я от дяди Гри-Гри такой подлости, право: пришел аккуратно в первый же урок.

Как бы в подтверждение ее слов прозвучал звонок в коридоре, классная дверь широко распахнулась и могучая, плотная фигура с громадной, львинообразною головою, покрытой густой гривой черной растительности, ввалилась в класс.

— Здравствуйте, старые знакомые, хозяйюшки и умницы, — прогремел над нами сильный и мощный бас нашего общего любимца Григория Григорьевича Вацеля, преподавателя геометрии и арифметики в старших классах.

Совсем особенный человек и совсем особенный учитель был этот «дядя Гри-Гри», как мы его называли. И манера преподавания у него была совсем особенная. Его уроки проходили всегда не иначе как с шутками, прибаутками, смехом и остротами. Он говорил о самых скучных предметах с самой подкупающей веселостью. За все семь лет я не помню, чтобы у него хоть раз было скучающее лицо на уроке или даже чтобы он задумался когда-нибудь на минуту. Свою математику он любил больше всего на свете и о цифрах, правилах и задачах говорил так же нежно, как о собственных детях.

В его уроки шум и гвалт в классе стояли всегда невообразимые. Воспитанницы вскакивали со своих мест, окружали кафедру, вспрыгивали на пюпитры, чтобы лучше увидеть решение задач на досках и услышать объяснения учителя. Классные дамы давно потеряли надежду на восстановление дисциплины, отсутствующей на уроках Вацеля, и махнули на него рукой. Они старались даже не присутствовать во время его класса, зная всю бесполезность их замечаний, так как дядя Гри-Гри был горячим защитником девочек, и являлись только по звонку, возвещающему об окончании урока.

— И отлично, — встряхивая своею черною гривой, восклицал дядя Гри-Гри, когда щепетильная m-lle Арно, презрительно поджимая губы, удалялась с его урока, унося с собою рабочую корзиночку с ее бесконечным вязаньем, — мы и без полиции обойдемся. Только вы меня не съешьте, девицы, из лишнего усердия, — добавлял он с комической гримасой, поднимавшей целый взрыв хохота.

С веселым хохотом решались у нас труднейшие теоремы и самые запутанные задачи, до которых Вацель был, к слову сказать, большой охотник. Лени, рассеянности, невнимания он не переносил. В минуты гнева он был положительно страшен.

— Вздор мелете, околесицу несете, синьорина вы моя прекрасная! — напускался он грозно на ленивую воспитанницу, выпучивая при этом свои изжелта-карие круглые глаза и вращая ими во все стороны. — Вам не задачи решать, а хозяйством заниматься да кофеи пить надо,

вот что-с. Пожалуйста-кась в «Камчатку» да отдохните за кофейком! Стыдно-с вам! Стыдно!

И злосчастная синьорина покорно направлялась в «Камчатку» (так у нас назывались последние скамейки в классе), заранее зная, что в журнальной клетке против ее фамилии к концу урока водворится «сбавка».

Манера ставить баллы у Вацеля была совсем исключительная. Он не признавал никаких границ в этом направлении. Если ученица при переходе из класса в класс имела, положим, восьмерку, то за первый же порядочный ответ он делал ей прибавку на один балл и ставил девять. Еще удачный ответ — еще прибавка и т. д. Плохо отвечала воспитанница — ей делалась сбавка на балл; вторичный плохой ответ — новая сбавка, и, таким образом, сбавки доходили до нуля. Когда же сбавлять оставалось не с чего, неумолимый в таких случаях Вацель выстраивал целую шеренгу нулей до тех пор, пока лентяйка не одумывалась и, взявшись за ум, не награждала математика более удачным ответом. Тогда начинались прибавки, которые могли идти без конца, достигая крупных цифр, переходящих за сто. За среднюю отметку бралась последняя цифра, конечно если она не превышала двенадцати баллов.

Девочкам, получившим 105, 106 и т. д. баллов, Вацель выводил в среднем 12 и при этом шутил добродушно:

— Эх-ма! Под горку-то как покатила моя умница!

Его боялись, но любили за его крайнюю справедливость. Начальство снисходительно относилось к его чудачествам и смотрело на них сквозь пальцы, потому что Вацель считался знатоком своего дела и был очень популярен среди учебного и педагогического мира.

Сегодня дядя Гри-Гри пришел к нам в особенно приятном и веселом расположении духа.

— Ну, вот вы и большие девицы, — шутил он, с трудом взгромождаясь на кафедру своей тяжелой, гигантской фигурой. — Радуюсь за вас, синьорины мои милые, кофейницы мои и умницы! (Кофейницами и хозяйюшками дядя Гри-Гри называл лентяек, умницами — прилежных.) Поди теперь и сбавок нельзя будет делать... Загрызете!

— А у нас, Григорий Григорьевич, новость! — неожиданно «вылетела» Бельская, метнув предварительный взгляд на пустующее место классной дамы. — Новенькая к нам в класс поступит!

— Ну? — удивленно протянул Вацель, взявший было перо в руки, чтобы расписаться в классном журнале.

Но Белке не пришлось ответить, так как ее соседка — смуглянка Кира — так сильно дернула ее за конец передника, что она разом шлепнулась на место.

— Ты, душка, дура! — ожесточенно зашептала Кира. — Разве можно говорить про это?

— А что? — искренно удивилась Белка.

— Батюшки, да она рехнулась! — окончательно возмущившись, негодовала Кира. — Ведь это тайна, глупая! Ведь Саре Крошка сказала по секрету, значит, это тайна! А ты выдала Сару.

— Ах, чепуха! — разозлилась в свою очередь Бельская. — Этого не говори, того не говори, о чем же и говорить-то после этого?

— Ты бы еще про последнюю аллею и про серый дом рассказала, — не унималась расходившаяся Кира, — куда как хорошо было бы!

Этот серый дом, упомянутый девочкой, играл важную роль в нашей институтской жизни.

В то время как младшие и средние классы с началом весны разлетелись на каникулы по всем уголкам России, мы, перешедшие из II-го в выпускной класс, должны были оставаться все лето в институте. Это делалось, во-первых, для того, чтобы усовершенствоваться в языках, а во-вторых, для изучения церковного пения на клиросах институтской церкви, где певчими обязательно были институтки-старшеклассницы. Проводить лето в стенах института не считалось особенным лишением. Все три месяца мы буквально прожили на воздухе в густом, громадном институтском саду, бегали на гигантских шагах, качались на качелях, играли в разные игры. Мы даже принимали наших родственников и знакомых на институтской садовой площадке, окруженной кустами бузины и сирени, с куртинами цветов посреди нее, наполняющими сад острым, приятным ароматом. Раз в неделю нас водили осматривать разные заводы и фабрики или брали кататься за город — в Царское Село, Гатчину и Петергоф. Никто не скучал летом среди массы разнообразных впечатлений. К тому же

мы сами всегда выдумывали себе развлечения среди однообразной институтской жизни. Одно из них заняло нас надолго.

Густая и тенистая «последняя аллея», где и днем-то было всегда мрачно, а вечером положительно жутко от прихотливо, в виде живой кровли, разросшихся дубовых ветвей, вела от веранды через весь сад к противоположной невысокой каменной ограде. Аллея заканчивалась маленькою площадкою, тесно окруженною пышными кустами акаций. Здесь, около этой площадки, ограда была еще ниже, так что позволяла видеть громадный серый дом с заколоченными ставнями на готических окнах, с массивными колоннами, висячими балкончиками и стрельчатой башенкой над крышей. Дом был обращен к нашему саду задним фасадом и казался необитаемым.

Институтки, всегда склонные к мечтательности, обожавшие все таинственное, из ряда вон выходящее, распустили о старом доме самые фантастические и легендарные слухи: говорилось, что в сером доме бродят привидения, мелькает свет по ночам через щели ставен и слышится по временам чье-то заунывное пение.

Миля Корбина, большая поклонница таинственных романов Вальтера Скотта, божилась и клялась, утверждая, что собственными глазами видела, как однажды вечером ставни серого дома приоткрылись и в окне показалась фигура старика в восточной чалме. Что Миля сочиняла, в этом не было никакого сомнения, но нам так хотелось верить Миле и не разрушать впечатления таинственного очарования, навеянного на нас одним видом серого дома, что мы даже постарались не усомниться в ее словах. Вечером, покончив с чаем, мы стремглав летели на последнюю аллею, забирались на площадку акаций и жадно вглядывались в мрачный и зловещий, как нам казалось, силуэт пустынного дома в надежде увидеть что-нибудь особенно таинственное, но каждый вечер расходились спать разочарованные, обманутые в наших ожиданиях. Старик в чалме решительно не желал появляться.

Такова была история серого дома, возбуждавшего самый живой интерес среди девочек.

— Нет-нет, я не так глупа, — шепотом оправдывалась Белка, — чтобы выдавать настоящие тайны, а только о будущей новенькой отчего же было и не сказать?

— Ну-с, так как же насчет будущей новой синьорины? Когда она поступит? — словно угадывая разговор девочек, спросил Вацель.

— Нет-нет, — вся вспыхнув, произнесла Кира Дергунова, делая «страшные глаза» по адресу Бельской, — этого мы не можем вам сказать, ни за что не можем...

— Ну, коли ни за что не можете — так и не надо-те! — умиротворяюще произнес учитель. — Займемся-ка лучше нашим хозяйством, пока не ушло время!

И, взяв мелок в руки, он подошел к доске и стал объяснять урок по геометрии к следующему разу.

В ту же минуту на мой пюпитр упала сложенная бумажка.

Я быстро развернула ее и прочла:

«Сегодня за обедом щи, котлеты с горошком и миндальное пирожное. Кто хочет меняться: пирожное на котлету? Пересылай дальше».

Я сразу узнала Маню Иванову, автора записки, которая не могла часу прожить без разных «съедобных» расчетов и соображений. Покачав отрицательно головою по адресу сидевшей неподалеку Мани, я сложила записку и перебросила ее дальше.

В то время как Мухина, или Мушка, маленькая близорукая брюнетка, сидевшая на первой скамейке, разбирала Манины каракульки, поднеся их к самому носу, Вацель окончил объяснение теоремы, положил мелок, которым писал на доске, обратно на кафедру и осторожно, на цыпочках подобрался к Мушке.

— Мушка, спрячь, спрячь записку! — зашептали ей со всех сторон ее доброжелательницы.

Но было уже поздно. Еще секунда — и злополучная записка очутилась в руках дяди Гри-Гри.

С невозмутимым хладнокровием он громко прочел классу, умышленно растягивая слова, в то время как обе девочки, и Маня, и Мушка, сидели красные, как пионы, от стыда и смущения.

— Вот так фунт!.. — комически развел он руками. — Я думал — это они теорему решали, а они... щи с кашей... котлеты!.. Да еще мена... Бр! бр!.. Ай да синьорины мои воздушные! И не стыдно вам за уроками-то хозяйничать? Ведь математика — дама важная и требует к себе почтения и внимания! Ведь вы уже теперь, так сказать, синьорины великовозрастные, и, следовательно, хозяйственные дела

побочку надо. Госпожа Иванова, хозяйюшка вы моя несравненная, — тем же тоном шутивого негодования обратился он к алевшей, как зарево, Мане по окончании урока, — приятного вам аппетита от души желаю!

— Вот, душка, опростоволосилась-то! — сокрушенно закачала головою Миля Корбина, подсаживаясь к пострадавшей Мане, лишь только дядя Гри-Гри ушел из класса.

— Ну вот еще! — лихо потрянув своей черноволосой головкой, вскричала Кира. — Что ж тут такого! Хотя мы и воздушные создания, но питаться одним лунным светом и запахом фиалок не можем.

— Mesdam'очки, француз не придет, и Матап прислала сказать, что в свободные часы будет гулянье, пока хорошая погода! — пулей влетая в класс, заявила запыхавшаяся и красная как рак Хованская.

— Ура! — закричала не своим голосом Дергунова, но в тот же миг сразу осеклась под строгим, уничтожающим взглядом вошедшей Арно.

— Taisez vous donc, Дергунова! — вскричала она вне себя от гнева. — Рядом урок физики, а вы кричите, как уличная девчонка!

— Вот еще! — заворчала себе под нос Кира. — Не смеее ругаться... Мой папа командир полка, я вовсе не уличная. Противная, гадкая Арношка! Пугач желтоглазый!

Когда Кира начинала возмущаться, удержать ее не было никакой возможности. По институту ходили слухи, что Дергунова была по происхождению цыганка и ее малюткой подкинули ее отцу, капитану Дергунову, командовавшему тогда ротой в Кишиневе. Самолюбивая, гордая от природы, Кира возмущалась этими слухами, и всякий намек на ее происхождение болезненно задевал ее. Поэтому и сейчас данное ей Арно прозвище возмутило ее, и она расшумелась не на шутку.

— Бог знает, как с нами здесь обращаются, — почти вслух, не стесняясь близостью классной дамы, ворчала она, — если б наши родные только узнали об этом!

— Ах, душка, — сочувственно произнесла Миля Корбина, сидевшая на одной парте с Кирой, — плюнь ты на это дело и на противную Ар... — Миля не договорила, потому что Пугач стоял перед нею.

— Une demoiselle qui плюет, — своим дребезжащим, неприятным голосом произнесла она, особенно сочно и раздельно выговаривая слова, — не получает 12 за поведение.

И она величественно зашагала между партами, приблизилась к красной доске, на которой писались имена лучших по поведению воспитанниц, и своим костлявым пальцем стерла с доски имя Корбиной.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — сочувственно произнесла Кира. — Уж и до «парфеток» добираться начинает (Миля считалась «парфеткою» по поведению)! Противная Пугачиха!

— Mesdames, mettez vous par paires et suivez moi!³ — тем же невозмутимым голосом произнесла Арно, и мы, сгруппировавшись на середине класса, встали в пары и направились в сад.

Глава 4. Принцесса из серого дома

Громадный институтский сад пестрел своим осенним нарядом. Желтые клены, красноватые липы и подернутые пурпуром кусты бузины составляли слегка поредевший, но прекрасный букет из резких, красивых тонов осени.

В последнюю аллею разрешалось ходить только выпускным и пепиньеркам. Младшие классы ограничивались гимнастической площадкой и ближайшими к крыльцу дорожками.

Едва девочки разбрелись по саду, как из дальнего угла, служившего наблюдательным пунктом, откуда институтки следили за серым домом, послышался звонкий и взволнованный голос Бельской:

— Сюда, mesdam'очки, сюда идите, скорее!

Мы с Краснушкой, спокойно было рассевшиеся на садовой скамейке, быстро вскочили и, схватившись за руки, побежали на зов.

В беседке из акаций, с которых уже давно слетела листва, стояли кое-кто из наших с отчаянно размахивавшей руками Белкой во главе.

— Смотрите! Смотрите! — увидя нас, прошептала она, захлебываясь от волнения. — Вот чудеса-то!

При этом она указывала нам рукою по направлению серого дома...

Я подняла голову, взглянула... и отступила, удивленная новым необычайным зрелищем. Серый дом преобразился... Ставни, плотно заколоченные в продолжение целого лета, теперь были открыты,

и чисто вымытые окна ярко блестели стеклами в лучах сентябрьского солнца. Но не дом и не ставни привлекли наше внимание.

Одно из окон было раскрыто, и в амбразуре его стояла девушка в белом платье, с двумя тяжелыми косами, ниспадавшими ей на грудь по обе стороны прелестной головки... Девушка была очень красива той чисто сказочной, мраморной красотой, которая сразу бросается в глаза и приковывает взоры. Белое воздушное платье дополняло волшебный образ, и вся она казалась чудесным олицетворением мечты, воплощенной грезой...

— Ах, дуся! Mesdam'очки! Вот красавица-то! — восторженно зашептала Миля Корбина. — Куда лучше Вали Лер, право!

— Ну вот еще! И сравнить нельзя! Наша Валентина ей в подметки не годится! — авторитетно заметила смуглая Кира, не любившая особенно стесняться в выражениях.

— Ах, душки, кто она? — зашептала Маня Иванова, широко открывшая рот от удивления. — Верно, княжна какая-нибудь или графиня... В таком роскошном доме живет!

— Не все ли равно, mesdam'очки, — вмешалась в разговор Краснушка, — кто бы она ни была — какое нам до нее дело! Вы точно никогда людей не видели: уставились в упор — даже неприлично. Только сконфузите бедняжку!

Но «бедняжка» и не думала конфузиться... Ни малейшая краска смущения не трогала эти бледные, словно из мрамора изваянные щеки; глаза ее, большие, смелые, прозрачно-синие, как морская волна, сощурившись немного, смотрели на нас с дерзким любопытством. Полные, яркие губки, странным диссонансом алевшие на этом бледном лице, улыбались не то насмешливо, не то надменно.

— Ах, mesdam'очки, она смеется! — восторженно зашептала Миля. — Дуся! Красавица, ангел! — И она послала по направлению незнакомки несколько воздушных поцелуев.

Девушка у окна рассмеялась тем серебристым, звонким смехом, каким могут смеяться только дети. Потом, перегнувшись немного всем своим гибким станом, весело произнесла:

— Какие смешные девочки! Какого класса?

Мы несколько не обиделись на наименование «смешные» и поторопились ответить в один голос:

— Мы выпускные.

— Вот как! — произнесла девушка снова, и мне ясно послышалось, что она плохо выговаривает слова, как иностранка. — А эта красивая брюнетка, — кивнула она в мою сторону, — тоже вашего класса?

— Это Галочка! Наша любимица! — ответила Миля Корбина, захлебываясь от радости говорить с «принцессой», как она уже мгновенно окрестила девушку из серого дома.

— Галочка! — скривив свое красивое личико в насмешливую гримаску, произнесла та. — Что за дикое имя! Галочка!.. Галка... Ведь это птица, если я не ошибаюсь? Странная фантазия у этих русских называть детей птичьими именами!

— Ах, вовсе нет! — вскричала Кира. — Это не настоящее имя, а прозвище! А ее, — она указала на меня, — зовут Людмилой... Людмила, Люда... Это звучит так красиво... Не правда ли?

— Хорошенькая девочка! — не отвечая на ее вопрос, произнесла «принцесса», бесцеремонно разглядывая меня своими чуть прищуренными глазами.

— А вы не русская? — спросила ее Кира.

Она в ответ только отрицательно покачала белокурой с золотистым отливом головкой.

— Вы немка?

Она опять сделала отрицательный знак.

— Француженка? — не унималась Кира.

Новый жест и новое молчание.

— Так кто же вы? — готовая уже вспылить от нетерпения, прокричала Кира. — Кто вы? Лифляндка, курляндка, испанка, англичанка, итальянка?

И так как девушка не отвечала и только тихо смеялась своим серебристым смехом, Кира сердито пожала плечами и проворчала себе под нос:

— Вот-то важничает, скажите на милость... точно и впрямь настоящая принцесса!

— Ах, оставь ее, душка! — шепотом произнесла Миля Корбина, все время не отрывавшая глаз от незнакомки. — Какое вам всем дело, кто она... В ней нет ничего обычного, человеческого... Я уверена, что она не живое существо, а греза, воплощенная легенда этого старого дома!..

— Милка, ты больна! Ступай в перевязочную, тебя осмотрят, душка! Ты заговариваться начала! — расхохоталась во все горло Дергунова, не терпевшая никаких «небесных миндалей», как она называла поэтические бредни Мили.

В ту же минуту «принцесса», все еще не отходившая от окна, снова заговорила:

— Не беспокойтесь, глупенькие, я такая же, как и вы, и ничего сверхъестественного во мне нет, в доказательство чего я должна идти брать урок музыки, но завтра мы увидимся снова... Только не все, а то вы так кричите, что у меня может разболеться голова от вашего шума...

— Ах, скажите, нежности какие! — вскричала неугомонная Кира, успевшая уже невзлюбить «принцессу».

— Не все, — повторила красавица с легкой улыбкой, — вы и вы, — кивнула она мне и Марусе, — и вы также, обезьянка, — засмеялась она в сторону Мили, — приходите ко мне завтра в этот же час...

— Ах, мы не можем завтра, — нисколько, по-видимому, не обидевшись данным ей прозвищем, произнесла Миля. — Мы гуляем сегодня во время пустого урока, а завтра в этот час у нас будет учитель, и мы не можем прийти.

— Она вами командует, как горничными, а вы таете! — сердито проворчала Бельская, недовольная тем, что не получила приглашения от «принцессы».

— Мы придем, придем непременно, как только будет можно! — не слушая ее, произнесла Миля.

— А я не приду — увольте! — резко произнесла Краснушка. — Очень надо исполнять прихоти этой гордячки... Да и тебе не советую, Галочка! — обратилась она ко мне, ничуть не стесняясь присутствием незнакомки.

— Ах, что ты, Маруся! — даже всплеснула руками Миля. — Она такая дуся!

— И девочка снова обратила к окну восхищенный взор.

— Ну и дежурь у нее под окнами, если тебе это нравится, а меня избавь! — вспыхнула Запольская и, круто повернувшись спиной к серому дому, энергично зашагала прочь по аллее.

Я хотела было последовать ее примеру, как до меня долетел снова серебристый голосок незнакомки:

— Приходите же, смотрите, завтра! Вы мне очень нравитесь! И мне бы очень хотелось покороче познакомиться с вами!

Я оглянулась. Глаза девушки смотрели на меня. Очевидно, ее слова относились ко мне.

— Ах, счастливица Влассовская, — завистливо произнесла Миля, — она зовет тебя!

— Не ходи, Люда, — незаметно дернула меня за руку внезапно вернувшаяся и подошедшая к нам снова Краснушка.

— Понятно, не ходи! — вмешалась Кира Дергунова и, повернувшись к окну, заговорила снова, сопровождая свои слова насмешливым реверансом: — Прелестная принцесса, соблаговолите назвать ваше имя!

— Извольте, — в тон ей отвечала незнакомка, — меня зовут Нора Трахтенберг.

Трахтенберг!.. Какая знакомая фамилия. Где я слышала? Ах, да, вспоминаю. Когда я была еще совсем маленькой «седьмушкой», моя подруга по классу — такая же маленькая девочка, как и я, — княжна Нина Джаваха «обожала», по институтскому обычаю, одну из старшеклассниц, белокурую шведку Ирочку Трахтенберг. Потом, когда моя подруга Нина умерла в чахотке, а Ирочка вышла из института по окончании курса, я потеряла последнюю из виду. Теперь, когда я услышала эту фамилию, мне показалось как будто что-то знакомое в лице Норы, особенно во взгляде ее насмешливых, прозрачных, словно русалочьих глаз и в надменной улыбке алого ротика.

Я хотела было спросить ее, не приходится ли она Ирочке сестрою, но как раз в этот миг в конце аллеи появился Пугач, строго запрещающий стоять у забора и еще более преследовавший нас за разговоры с посторонними... Мы встрепнулись и врассыпную бросились прочь.

Окно захлопнулось. «Принцесса» Нора исчезла так же внезапно, как и появилась в нем. Раздался звонок, напомнивший нам, что прогулка кончена и надо идти к завтраку.

Глава 5. Сон в руку. История. Новый учитель

Весь этот день только и было разговору, что о «принцессе» из серого дома.

Девочки разделились на две партии. Миля Корбина и хорошенькая Мушка (Антоша Мухина) стояли за Нору. Особенно Миля горячо восторгалась ею. Пылкая фантазия девочки рисовала целые фантастические картины о жизни белокурой незнакомки.

— Mesdam'очки, вы слышали, как она говорит? Совсем-совсем как нерусская! — восторженно захлебываясь, говорила Милка. — Я уверена, что она француженка... Наверное, ее отец, эмигрант, убежал с родины и должен скрываться здесь... в России... Его ищут всюду... чтобы посадить в тюрьму, может быть, казнить, а он с дочерью скрылись в этом сером доме и...

— Ты, душка, совсем глупая, — неожиданно прервала Краснушка пылкую фантазию Мили, — времена казней, революции и прочего давно прошли!.. Хорошо же ты знаешь историю Франции, если в нынешнее время находишь в ней революцию и эмигрантов...

— Ах, оставь, пожалуйста, Запольская, — взбеленилась Миля, — не мешай мне фантазировать, как я не мешаю тебе писать твои глупые стихи!

— Глупые стихи! Глупые стихи! — так и вспыхнула Краснушка, мгновенно дурнея от выражения гнева на ее оригинально-красивом личике. — Mesdam'очки, разве мои стихи так дурны, как говорит Корбина? Будьте судьями, душки!

— Перестань, Маруся! — остановила я мою расходившуюся подругу. — Ну, пусть Миля восторгается своей принцессой и несет всякую чушь, какое тебе дело до этого?

— И то правда, Галочка, — разом успокаиваясь, произнесла Краснушка. — Пусть Милка паясничает и юродствует, сколько ей угодно... Только ты, Люда, обещай мне, что ты не пойдешь больше на последнюю аллею и не будешь разговаривать с этой белобрысой гордячкой.

— Конечно, не буду, смешная ты девочка! — поторопилась я успокоить моего друга.

— Побожись, Люда!

Я побожилась, трижды осенив себя крестным знамением (самая крепкая и нерушимая клятва в институтских стенах).

— Спасибо тебе, Галочка! — мигом просияв, произнесла Краснушка. — Ах, Люда, ты и не подозреваешь, как ты мне дорога... Право же, я люблю тебя больше всех на свете... И мне досадно и неприятно, когда ты говоришь и ходишь с другими... Мне кажется, что я больше всех остальных имею право на твою дружбу. Не правда ли, Люда?

Я молча кивнула ей.

— Ну вот! Ну вот! — обрадовалась она. — А тут эта белая фиглярка лезет к тебе и навязывается на дружбу! Я не хочу, я не хочу, Люда, чтобы ты была с ней!

— Вот глупенькая, — не выдержала и рассмеялась я, — ведь белая фиглярка, как ты ее называешь, наверху в окне, а мы внизу в саду, за оградой. Какая же тут может быть дружба?.. Ни поговорить, ни погулять вместе!

— Ах, какая я глупая, Люда! — засмеялась она своим звучным, заразительным смехом. — Я и не сообразила этого... Ну поцелуй же меня.

— За то, что ты глупая? — расхохоталась я.

— Хотя бы и за то, Люда!

Пронзительный звонок, возвестивший начало урока, не помешал нам, однако, крепко, горячо поцеловаться.

— Pas de baisers!⁴ — послышался над нами резкий окрик Пугача. — На все есть свое время!

Мы невольно вздрогнули от неожиданности. За нами стояла классная дама.

— Господи! — тоскливо вскричала Краснушка. — И когда это мы выйдем из нашей тюрьмы! Все по звонку, по времени: и спать, и есть, и смеяться, и целоваться. Каторга сибирская, и больше ничего!

— Не грубить! — вся вспыхнув, прокричала Арно, топнув ногою.

— А вы не топайте на меня, mademoiselle, — внезапно вспылила Запольская, и знакомые искорки ярко засверкали в ее темных зрачках, — не топайте на меня, что это в самом деле!

— Не смейте так разговаривать с вашей наставницей! — зашипел Пугач. — Сейчас замолчите, или я вам сбавлю три балла за поведение.

— За то, что я целовалась? — насмешливо сощурившись, произнесла Краснушка, и недобрая улыбка зазмеилась в уголках ее алого ротика.

— За то, что вы дерзкая девчонка! Кадет! Мальчишка! Вот за что! — затопала на нее ногами окончательно выведенная из себя Арно и, выхватив из кармана свою записную книжку, в которой она ставила ежедневные отметки за поведение, дрожащей рукой написала в ней что-то.

— Vous aurez 6 pour la conduite aujourd'hui!⁵ — злобно пояснила она Запольской, — и в будущее воскресенье вы останетесь без шнурка.

Шнурки давались нам за хорошее поведение и за языки. Иметь белый шнурок считалось особенным достоинством у институток. И Краснушка за все время своего пребывания в институте никогда еще не бывала лишена этой награды, поэтому поступок Арно глубоко возмутил ее горячее сердечко.

— Mademoiselle Арно! — отчетливо и звонко произнесла она, вся дрожа от волнения, и ее красивое личико, обрамленное огненной гривой вьющихся кудрей, так и запылало ярким румянцем. — Это несправедливо, это гадко! Вы не имели права придирааться ко мне за то, что я поцеловала Влассовскую. Учителя не было еще в классе, когда я это сделала... Я не хочу получать шестерки за поведение, когда я не виновата! Слышите ли, не виновата!.. Нет, нет и нет! — И совершенно неожиданно для всех нас Краснушка упала на пюпитр головою и исступленно, истерически зарыдала на весь класс.

— А-а, так-то вы разговариваете с вашими классными дамами! — прошипела Арно. — Tant pis pour vous, mademoiselle⁶, пеняйте на себя! Я вам ставлю нуль за поведение, и завтра же все будет известно начальнице! — И она снова выдернула злополучную книжечку и сделала в ней новую пометку против фамилии Запольской.

— Бедная Краснушка! Сон-то в руку! — сочувственно и сокрушенно покачала головкой черненькая Мушка.

— Подлая Арношка, аспид, злючка, противная! — исступленно зашептала Кира Дергунова, сверкая своими цыганскими глазами. — Ненавижу ее, всеми силами души ненавижу!

— Видишь, Маруся, — произнесла торжественно Таня Петровская, — я тебе правду сказала: лавровый венок — это непременно нуль в журнале!

— Да не плачь же, Краснушка, — добавила она, наклоняясь к девочке, — ты же не виновата...

— Виноват только сон! — вмешалась Миля Корбина и тотчас же добавила печально и сочувственно: — Ах, душка, и зачем только ты видишь такие несчастные сны!

— Ах, Корбина, и зачем только вы так непроходимо глупы? — подскочила к ней, паясничая, Белка. — Ну разве сны зависят от воли человека?

— Они от Бога! — торжественно произнесла Петровская, поднимая кверху свои серьезные глаза.

Краснушка продолжала отчаянно рыдать у меня на плече. Вся ее худенькая фигурка трепетала как былинка.

Запольская никогда не плакала по пустякам. Это все знали и потому жалели ее особенно в этой глупой истории с Арно, потрясшей, казалось, все существо нервной девочки.

— Mesdam'очки! У нее истерика будет! — шепотом заявила Маня Иванова. — Ах, Краснушка, что же это такое?

— Краснушечка! Маруся! Запольская, душка, плачь еще! Плачь громче, чтобы разболеться от слез хорошенько! — молила Миля Корбина, складывая на груди руки. — Если ты заболеешь и тебя отведут в лазарет, Мамап узнает о несправедливости Пугача, и ее наверное выгонят!

— Полно вздор молоть, Корбина, — строго остановила я девочку, — как не стыдно говорить глупости! Маруся, — обратилась я к Запольской, — сейчас же перестань плакать... Слышишь? Сию минуту перестань... Ведь у тебя голова разболится...

— Пускай разболится! — проговорила, заикаясь, сквозь истерические всхлипывания Краснушка. — Пускай я вся разболеюсь и умру и меня похоронят в Новодевичьем монастыре, как Ниночку Джаваху.

— Ах, как это будет хорошо! — неожиданно подхватила Миля. — Умри, конечно! Пожалуйста, умри, Краснушка! Подумай только: белое платье, как у невесты, белые цветы, белый гроб! И поют и плачут

кругом... Все плачут: и Маман, и учителя, и чужие дамы, и мы все, все... А Арно не плачет... Она идет в стороне от нас... ее никто не хочет видеть... А когда тебя опустят в могилу, Маман подойдет к Арно и скажет нам, указывая на нее пальцем: «Смотрите на эту женщину! Она убийца бедной, маленькой, невинной Запольской! Она убийца... помните это все и изгоните ее из нашей тихой, дружеской семьи»... И Арношка упадет на край твоей могилы и будет плакать... плакать... плакать... Но воскресить тебя уже будет нельзя: мертвые не воскресают!

Последние слова Миля Корбина произнесла с особенным подъемом... Краснушка при этом заплакала еще сильнее, у многих из нас невольно навернулись слезы. Глупенькие, наивные девушки поддались влиянию Милкиной фантазии. Но сильный, грудной голос Варюши Чикуниной, внезапно прозвучавший за нами, миготом отрезвил нас.

— Перестать! Сейчас перестать! — строго прикрикнула Варюша. — Запольская, не реви! Что это, в самом деле? «Седьмушки» вы, что ли? Ах, mesdames, mesdames, когда-то вы вырастете и будете умнее!

Варюша Чикунина была старше нас всех. Ей было около девятнадцати лет, и ее авторитет дружно признавался всеми.

При первых же звуках ее сильного голоса Краснушка подняла с крышки пюпитра свою рыженькую головку и произнесла, все еще всхлипывая:

— Я ей не прощу этого! Я ей отомщу... отомщу непременно!..

— Разумеется! — подхватила Миля. — Если уж нельзя умереть, так по крайней мере надо отомстить хорошенько!

— Mesdames! Mesdames! Маман в коридоре! Маман в коридоре! — послышались тревожные голоса девочек, сидевших на первых скамейках подле двери. Все разом стихло, успокоилось, как по волшебству. Настала такая тишина, что, казалось, можно было услышать полет мухи.

Лишь только высокая, полная фигура начальницы в синем шелковом платье появилась в дверях класса, мы все разом поднялись со своих мест и отвесили низкий реверанс, сопровождаемый дружным восклицанием:

— Nous avons l'honneur de vous saluer, maman!⁷

Начальница была не одна. За нею вошел или, вернее, проскользнул в класс высокий господин в синем вицмундире, сидевшем на нем как на вешалке, очень молодой, очень белокурый и очень робкий на взгляд. Он потирал свои большие, красные руки, как будто они были отморожены у него, и краснел и смущался, как мальчик. Очевидно, он чувствовал себя очень неловко под перекрестными взглядами сорока взрослых девочек, рассматривавших его с полной бесцеремонностью и явным любопытством.

— Mes enfants! — произнесла Маман, окидывая нас всех разом острыми, пронизательными глазами. — Представляю вам нового учителя русской словесности Василия Петровича Терпимова. Надеюсь, вы сумеете заслужить его расположение.

— Мы надеемся, Маман! — отвечал, приседая, дружный хор сорока девочек.

Начальница еще раз милостиво кивнула нам головою в белой кружевной наколке и величественно выплыла из класса, оставив Терпимова в обществе институток.

Последний мешковато уместился на кафедре и сразу уткнулся носом в классный журнал, очевидно, с целью скрыть от нас свое смущение и робость.

— Мой предшественник, — начал он под прикрытием журнала, — высокоуважаемый Владимир Михайлович Чуловский, передал мне, что в истории литературы вы довольно сильны и что он дошел с вами до Фонвизина. Не правда ли, mesdemoiselles?

— Дежурная, ответьте monsieur Терпимову! — приказала со своего места Арно.

Учитель, не заметивший было классную даму при входе в класс, теперь окончательно смутился за свою оплошность, неуклюже привскочил с места и, подойдя к ней, отрекомендовался:

— Честь имею... Терпимов...

Кто-то тихо фыркнул под крышку пюпитра.

— Вот парочка-то подобрана — на славу! — прошептала Кира Дергунова, захлебываясь от приступа смеха.

Действительно, высокая, прямая как жердь Арно и такой же длинный и сухой Терпимов составляли вдвоем весьма карикатурную пару.

— Дежурная, — повысил голос Пугач, — скажите monsieur, что вы проходили у Владимира Михайловича в прошлом году по истории литературы.

Варюша Чикунина тотчас же поднялась со своего места и громко отчеканила:

— От Кантемира до Грибоедова.

— Господи! Да это Дон-Кихот какой-то! — звонким шепотом прошептала Кира, оглядывавшая нового учителя не то со страхом, не то с удивлением.

— А кто, mesdames, может познакомить меня со способом декламации в вашем классе? — снова спросил Терпимов, опять усевшись на кафедру.

Все молчали. Никому не хотелось «выскакивать». Декламацию у нас ставили выше всего, все охотно учили и декламировали стихи.

— Кто из вас может прочесть какое-нибудь выученное в прошлом году стихотворение? — повторил свой вопрос учитель.

— Влассовская Люда, прочти «Малороссию», ты ее так хорошо читаешь, — слышались со всех сторон голоса моих друзей.

Я встала.

— Вы желаете прочесть? — обратился ко мне учитель, смотря не на меня, а куда-то поверх моей головы.

Теперь он был красен, как вареный рак, на лбу его выступили крупные капельки пота. Он слегка заикался, когда говорил, и вообще был довольно-таки смешон и жалок.

Я вышла на середину класса и начала:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В зеленых рощах тонут хутора...

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте,
будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ